

М. ЧАРНЫЙ

АРТЕМ ВЕСЕЛЫЙ

I

Далеко не каждый современный молодой читатель знает имя Артема Веселого. Но в середине двадцатых и тридцатых годов писатель этот был одним из популярных в нашей литературе. Рассказы и повести Веселого, романы «Россия, кровью умытая» и «Гуляй-Волга» выходили многократно в разных изданиях и неизменно привлекали внимание широких кругов читателей своеобразием таланта, необыкновенной красочностью языка, какой-то буйной силой и мощью страстей, кипевших в его не всегда литературно законченных и отглаженных произведениях.

Сейчас, оглядываясь назад с высоты сорокалетнего опыта нашей литературы, можно сказать, что Артем Веселый дал чрезвычайно яркие и своеобразные картины революции и гражданской войны. Эти картины созданы кистью художника, манера которого в свое время вызывала немало споров. Не все в произведениях Веселого одинаково ценно, но, отмеченные печатью крупного таланта, они и по сегодня сохраняют эстетическое и художественно-документальное значение.

Биография Артема Веселого чрезвычайно характерна для того нового типа писателя, который сложился в недрах разбуженного революцией народа.

В конце прошлого века, 17 сентября 1899 года, в семье волжского крючника Ивана Кочкурова в Самаре родился сын Николай. Как прошла пора «золотого детства» у будущего писателя Артема Веселого, можно судить по его собственным словам, которые он обронил как-то в письме к своему другу, впоследствии драматургу, Анатолию Глебову: «Страшное детство среди скотов и зверей. Эх, Толька, тебе не понять этого, ты рос барчонком и из-за этого многое хорошее, заложенное в тебе, развилось, за тобой следили, ухаживали, воспитывали, кормили ежедневно вкусно и досыта, заботились». С 14 лет будущий писатель Артем Веселый уже работал по найму, трудился на заводе. Зарабатывая хлеб насущный, главным образом летом, Коля Кочкуров добился возможности учиться зимою. Так ему удалось закончить четырехклассное городское училище.

В 1917 году юноша-рабочий Кочкуров становится активным участником революции. В марте того же года он вступает в партию большевиков. Работает агитатором, начинает сотрудничать в большевистских газетах. Первые литературные опыты перемежаются страстными политическими битвами с врагами революции и боями в прямом смысле этого слова. С осени семнадцатого года Кочкуров — боец коммунистической дружины. В конце мая 1918 года в Поволжье начинается белогвардейский мятеж, и через несколько дней, 7 июня, в одном из боев с белыми Николай Кочкуров ранен в ногу.

Избежав белогвардейской расправы и едва залечив рану, Николай Иванович сно-

ва берется за работу. В конце года он член редколлегии газеты «Приволжская правда», автор многих статей, очерков, рассказов. В одной из своих кратких автобиографий Артем Веселый записал: «С весны 1917 года занимаюсь революцией. С 1920 г.— писательством». Разделение это, однако, весьма условно. Уже с семнадцатого года начались не только его литературные опыты, но и активная журналистская работа. До сих пор еще не собраны и не изучены многочисленные выступления в печати Н. Кочкурова (Артема Веселого), посвященные Красной Армии, фронту, комитетам бедноты.

С декабря 1918 года по март 1919-го Николай Иванович на ответственной партийной работе в Мелекесе: секретарь уездного комитета партии и одновременно редактор местной газеты. Несмотря на сложность и многообразие своих служебных обязанностей, в эти напряженные, тревожные месяцы он пишет пьесу «Разрыв-трава».

В августе 1919 года Николай Кочкуров уходит добровольцем на деникинский фронт, который стал к этому времени решающим.

В 1920 году он приезжает в Москву, возобновляет работу в газетах. В 1921 году в лучшем тогда журнале «Красная Новь» появляется первое крупное произведение Артема Веселого, привлекающее к себе внимание,— драма «Мы». Строго говоря, это не пьеса, а скорее драматические сцены, посвященные революции и гражданской войне. Десятки действующих лиц, но они различаются не столько характерами, сколько по социальным категориям: бедняки, середняки, кулаки, рабочие. Уже здесь привлекает внимание отличительная черта Артема Веселого — превосходное знание народного языка, чуткость к слову, красочность речи.

Впоследствии Артем Веселый говорил об этих годах своей работы как о поре «оголтелого ученичества».

— Хорошо было,— сказал он однажды в шутку,— писателям из дворян: гувернеры, лицеи, университеты, семейная вековая культура. А я в своем роду первый грамотный.

Но и теперь учиться по-настоящему ему не пришлось. В 1922 году Николай Кочкуров становится матросом Черноморского флота, правда, вскоре демобилизуется, возвращается в Москву и поступает в Литературно-художественный институт имени Брюсова, а затем и в Московский университет. Учение в те времена у большинства студентов совмещалось с работой. Артем Веселый работал, разъезжал по стране в поисках материала для задуманных произведений, а в промежутках между разъездами и усиленной работой сдавал зачеты.

В московских редакциях, на собраниях литературных кружков и объединений появлялся иногда высокий молодой человек с несколько угрюмым взглядом и крупными чертами лица. Он был молчалив, сдержан в жестах, и казалось, что обстановка редакционных кабинетов и собраний (весьма скромных в те времена) все же смущает его. Впоследствии критик Вяч. Полонский писал об Артеме Веселом: «Сам он человек дикий, малообщительный, не навязывал себя читателю... Артем Веселый остался в стороне от поветрия саморекламы, которая, как дурная болезнь, заразила некоторых молодых».

Но стоило в 1924 году появиться первой книжке Артема Веселого, как читатель тотчас же заметил ее, а критика не могла не констатировать появление на литературном горизонте несомненного и оригинального таланта. Это была небольшая повесть «Реки огненные».

В языке повести, ее конструкции, во всем ее стиле — яркое своеобразие.

Основные герои — матросы царского флота Ванька Граммофон и Мишка Крокодил, которые «с памятного семнадцатого годочка из крейсера вывалились», все годы гражданской войны «по суху плавали», шатались по разным землям, воевали «и через них хлестали взмыленные дни». Сам Мишка говорит о себе, что в семнадцатом он «ривалюцию завинчивал», царских офицеров топил, был будто бы даже членом судового комитета, а на своем ухарском наречии рекомендует себя комиссаром Драгомиловского района Великой Октябрьской революции. Автор повести уверяет, что Ванька с Мишкой воевали и против буржуев, и против гайдамаков, и против Петлюры, но не менее убедительно звучит и косвенное указание на то, что эти молодцы были причастны к бандам батьки Махно.

Повесть застает их лет через пять после семнадцатого. Пошатавшись по разным

краям и землям, друзья возвращаются на корабль. Их встречают новые порядки. На корабле преобладают молодые, призванные на флот комсомольцы. Укрепляется дисциплина. Во всей стране кончилась гражданская война, начинается период организации мирного труда, восстановления, строительства. Ваньке с Мишкой эти новые порядки на корабле и в стране не по нутру. Тут есть целая философия, достаточно ясно изложенная. «Ходовые, деловые Мишка с Ванькой — не шпана какая-нибудь. Широкой программы ребятки. Оторвыши разинские — верно. И отчаянность обожают — тоже верно. Матрос... Это в наше рас... времячко т е л я ч ь я к р о т о с т ь в почете».

Мишка с Ванькой прямо говорят: «Какой разговор: все поборол капитал. Наша стара свобода была в тысячу раз лудче ихой новой политики...»

Но этот страшно «революционный» максимализм Ваньки с Мишкой, как очень скоро выясняется в самой же повести, весьма необычного свойства. Шатаясь по свету-красну, они, оказывается, «за длинными рублями» гонялись и, по-видимому, лучше всего себя чувствовали в лагере батьки Махно.

Естественно, что комиссия по чистке изгоняет этих молодчиков из флота. Но читатель не может не отметить, что, несмотря на реалистическое изображение Ваньки Граммфона и Мишки Крокодила, автор дает их с некоторым чувством симпатии. Некоторое романтическое приукрашивание Мишки с Ванькой получается уже от характера изображения тех, кто им противостоит.

Комиссар изображен глубоко штатской и, к сожалению, убогой личностью. Молодым матросам, комсомольцам уделено несколько больше места и больше радужных красок. Матросы эти любознательны, наивны, дисциплинированы и весьма... схематичны. Они выглядят серыми и стандартными, как оловянные солдатики, рядом с блестящими, как море под солнцем, яркими и самобытными Ванькой и Мишкой.

Единственная в повести сочувственно окрашенная фигура, оставшаяся на советском обновленном корабле, — это старый боцман. Старику, насквозь просоленному морем, трудно привыкнуть к новым порядкам и труднее всего, например, подчиниться приказу о запрещении ругани, но он за корабль, за дисциплину, за порядок и поэтому за комсомольскую молодежь. Этот старик очень хорошо рассказывает на протяжении одной только странички, как советские моряки подымали корабль из разрухи. В этом кратком рассказе можно почувствовать атмосферу и тяжесть переходных лет от гражданской войны к мирному строительству. Но положительность образа старого боцмана определяется не столько его качеством революционного воина, сколько его нерушимой любовью к морю и кораблю. Боцман прежде всего моряк-службист. Остальное для него второстепенно.

Увлечение стихийностью имело у писателей двадцатых годов разные источники, иногда по виду даже противоположные, но в итоге все же приводившие к одному и тому же. Некоторые писатели, мало связанные с рабочим классом, с теми, кто подготовлял революцию и был ее стеновым хребтом, склонны были видеть в революции прежде всего проявление бунтарской стихии, исконно присущей России. Такое представление было близко и символистам, в частности, самому талантливому представителю символизма Александру Блоку.

Естественно, что писатели, вышедшие из недр революции, ее участники и свершители принесли с собой в литературу новые впечатления и переживания, огромный опыт восставшего, сражавшегося и победившего народа. Некоторые из них чувствовали себя настолько сильными, что вскоре нашли самостоятельную форму для литературного воплощения этого опыта. Так было с Маяковским. Так Дм. Фурманов вскоре избрал форму своеобразных записок для своего эпического материала.

Но и некоторые революционные писатели в процессе литературного становления оказывались иногда в плену увлечения стихийностью.

Было и еще одно обстоятельство, о котором следует сказать особо.

У части писателей в середине двадцатых годов появилось известное настроение подавленности, связанное с непониманием новой экономической политики. Эти писатели воспринимали нэп как отступление от революционных завоеваний. Об этом говорил Ленин весной 1922 года, выступая с докладом на XI съезде партии.

«Мы не могли удержать всех позиций, которые с налету захватили, — говорил Ильич, — а с другой стороны, только благодаря тому, что мы с налету, на гребне

энтузиазма рабочих и крестьян, захватили необъятно много, только поэтому у нас было так много места, что мы могли очень далеко отступать, и сейчас еще можем далеко отступать, нисколько не теряя главного и основного... Самая опасная штука при отступлении — это паника. Ежели вся армия (тут я говорю в переносном смысле) отступает, тут такого настроения, которое бывает, когда все идут вперед, быть не может. Тут уже на каждом шагу вы встретите настроение, до известной степени подавленное. У нас даже поэты были, которые писали, что вот, мол, и голод и холод в Москве, «тогда как раньше было чисто, красиво, теперь — торговля, спекуляция». У нас есть целый ряд таких поэтических произведений.

И понятно, что это порождается отступлением»¹.

Можно думать, что у молодого Артема Веселого, с романтическим пафосом прошедшего через годы революционного напора и войны, нэп тоже не вызвал энтузиазма. «В почете аршин, рубль, да язык с локоть», — это с достаточным презрением сказано в «Реках огненных» как раз про нэпманскую стихию 1922 года.

Тем с большим рвением обращается Веселый к годам гражданской войны, когда «отваги зарево» стояло над всей взбаламученной и рвущейся вперед страной. Но если писатель приглушает организующую, сознательную волю революции, волю, которая ведет в стремительное наступление или в случае необходимости дает приказ отойти назад, то неизбежно начинает выпячиваться стихийная сторона. Так оно и произошло во многих произведениях Артема Веселого.

Мы увидим впоследствии, как сознание большевика и чуткость талантливого художника помогали ему уравнивать стихию и давать все более полные и реалистически достоверные картины первых лет революции.

II

Главный итог писательского труда Артема Веселого — роман «Россия, кровью умытая». Можно сказать, что всю свою жизнь он в основном создавал это произведение — о родной стране, о России, вздыбленной революцией и в громе и бурях гражданской войны ищущей пути в лучшее будущее. Если не считать исторического романа «Гуляй-Волга», то почти все рассказы, очерки, повести Веселого посвящены гражданской войне, разным ее проявлениям на Кубани и в Поволжье, на фронте и в тылу. Постепенно писатель включал эти рассказы и отрывки, даже целые повести в многоплановый роман, который назвал «Россия, кровью умытая».

От издания к изданию роман пополнялся, некоторые герои, уже известные читателю, получали развитие, но одновременно появлялись новые, некоторые сюжетные линии приобретали большую цельность, но зато другие, включенные впервые, оказывались незаконченными. Последнее издание романа вышло в 1936 году, но и на нем автор написал: «фрагмент».

Роман начинается с общего лирико-публицистического вступления о мире, сотрясаемом ураганом первой мировой войны, о российской стране, пьяной горем. Первый человек, с которым мы знакомимся, — это солдат Максим Кужель, крестьянин-хлебороб с Кубани, посланный царскими властями воевать на турецкий фронт. Кужель был взят в армию еще в 1913 году, прошел через все адские круги царской солдатчины и войны. «Война оборвала, — говорит он, — обломала меня, стал я жесток без меры и скучен. Злоба во мне по всем жилам течет, а на кого лютовать, и не придумаю толком».

Образ Максима Кужеля вырастает в романе в образ большого художественного обобщения. Процесс революционирования сознания солдатских масс, тот исторический час, когда многомиллионная царская армия, раскинутая по разным фронтам империалистической войны, узнала о происшедшей в стране революции, изображены в романе с красочной и художественной силой. Рухнул режим, господствовавший три столетия, треснули по самой сердцевине привычные представления, укоренившиеся веками.

Артем Веселый показывает, как тает, рушится, преобразуется та гигантская мрачная сила, которая называлась российской императорской армией, как пропадает

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 33, стр. 252.

почти мистический трепет мужика-солдата перед его высокоблагородием, как просыпается в нем сознание решающей противоположности классовых интересов.

Артем Веселый пишет широкой кистью, резкими красочными мазками. Он не вырисовывает ни деталей обстановки, ни тонкостей переживаний, как бы торопясь сказать одно слово, самое в этот момент важное, зафиксировать одну черту эпохи, но самую выразительную. И картина создается впечатляющая и незабываемая.

Броским словом, короткой фразой необычайной концентрации, стремительным, как пулеметная стрельба, диалогом Артем Веселый вводит нас в атмосферу первых лет революции. Его поражает ощущение невероятно раздвинувшихся горизонтов, буря страстей, восторженная жажда свободы и подвига.

«Дребезжащие теплушки были насыпаны людьми под завязку, как мешки с зерном». Тысячи эшелонов, кочующих по российским путям, вокзальные митинги занимают в романе значительное место и сами по себе являются одним из выражений пришедшей в неслыханное движение России.

Не давая детально выписанного быта, Артем Веселый создает, однако, десятки реалистических, чрезвычайно характерных эпизодов.

Изображение ненависти крестьянских масс к старому, непримиримой злобы, которой, «как пушка», был заряжен каждый фронтовик, жажды новой, свободной жизни — именно это в первую очередь определяет Артема Веселого как революционного писателя.

С присущей ему живописной убедительностью Артем Веселый показывает, как от инстинктивного отвращения к войне, от усталости и не всегда осознанного озлобления против господствующих классов рядовой солдат переходит к политической идее революции и приближается к восприятию большевистских лозунгов.

С непререкаемой убедительностью Артем Веселый прочерчивает линию развития Максима Кужеля от фронтового солдата, оглушенного громами революционных событий, до хорошо сознающего свои задачи борца против «контры». Но мы не можем сказать, что Кужель — основной герой книги. Одна из особенностей своеобразия романа в том, что основной герой его — масса, множество, многоголосый хор революционного народа.

В романе «Россия, кровью умытая» Артем Веселый не столько выявляет общее через индивидуальное, сколько обращается непосредственно к этому общему, к психологии массы.

«В зной и стужу, по пояс в снегу и по горло в грязи солдаты наступали, солдаты отступали, жили солдаты в земляных логовах, мерзли в окопах под открытым небом. Осколок снаряда и пуля настигали фронтовика в бою, на отдыхе, во время сна, в отхожем месте... И вот в глухую полночь по окопам и землянкам перелетывала передаваемая трепетным шепотом команда: «Приготовься к атаке». Люди разбирали винтовки, подтягивали отягченные патронташами пояса. Кто торопливо крестился, кто шептал молитву, кто сквозь сцепленные зубы лил яростную матерщину. По узким ходам сообщений полк подтягивался в первую линию окопов и по команде: «С богом выходи!» люди лезли на бруствер, ползли по изрытому воронками снежному полю. Встречный ливень свинца и вихрь рвущейся стали, подобно градовой туче, обрушивался на идущий в атаку полк».

...Осколок снаряда и пуля настигали... полк подтягивался... команда перелетывала... ливень свинца обрушивался... Здесь характерно обилие глаголов несовершенного вида. Это потому, что речь идет не об одном конкретно описываемом событии, а вообще, о многократно бывавшем, общем. И если указан определенный полк — Сумский, — а потом в дальнейшем упомянуто, что упал и захрипел, задергался сормовский слесарь Игнат Лысаченко, а горячая пуля чмокнула в переносицу рыбака Остапа Калайду, то это почти ничего не меняет. Потому что ни раньше, ни позже на всем протяжении романа мы можем не встретить ни слесаря Лысаченко, ни рыбака Калайду.

Так же часто безличен и диалог.

«— Гуляй, ребята... Последние наши денечки... Гуляй, защитники царя, веры и отечества!

— Царя?.. Отечества?.. Ты мне больше этих слов не говори... Я там был, мед и брагу пил... Слова твои мне все равно, что собаке палка.

— Брательник, тяпнем горяшка?

— Тяпнем, брат».

Кто это говорит? Чьи это слова? Ни имени, ни фамилии, нет конкретного образа. Это образ массы, народа.

Никогда и ни перед кем в литературе проблема изображения народа не могла стоять с такой значительностью и остротой, потому что никогда массы не приходили в такое движение и не играли такой исторической роли, как в нашей революции. И еще потому, что мировоззрение советских писателей помогло им понять и по достоинству оценить эту историческую роль.

Как изобразить массу? Над этим думал А. Серафимович, когда приступал к «Железному потоку». Эта проблема волновала и автора «Чапаева» и «Мятежа» и Михаила Шолохова. Иностранная критика уже давно отметила, что советская литература, да и вообще советское искусство, в частности кино, достигло таких высот в изображении жизни и движения масс народа, каких не встретить больше нигде. В этом проявилась одна из новаторских черт нашего искусства.

Но к своим лучшим достижениям советская литература пришла, разумеется, не сразу. Некоторые писатели так увлекались изображением массы как таковой, что за этой массовидностью пропадали иногда черты отдельного человека. Этим недостатком страдал одно время талантливый Ал. Малышкин. Значительную дань массовидности, изображению множества отдал и Артем Веселый.

Преобладание массовидности, общего является одним из выражений все того же увлечения стихийностью. Это увлечение бурным разливом стихийных сил в революции вы ощущаете на многих страницах романа «Россия, кровью умытая». К главе «Пирующие победители» Артем Веселый дал эпитафию: «В России революция — пыл, ор, ярь, половодье, урывистая вода». Как характерны эти краткие энергичные слова — пыл, ор, ярь, — звучащие, как залпы!

Революционная стихия предстает у Артема Веселого романтически приподнято, кажется, он готов иногда простить какому-нибудь бесшабашному храбрцу то, что партийный работник Николай Кочуров вряд ли бы простил.

Одно из наиболее ярких выражений стихийности — образ матроса Васьки Галагана. Удаля безграничная, в бою — вернейший друг и воин, но свободу склонен понимать прежде всего как всеобщий разгул без конца и края.

Иногда кажется, что Васька Галаган недалеко ушел от Ваньки Граммофона из «Рек огненных». Степенный Максим Кужель при всем уважении к храбрости и могуществу Галагана относится к нему все-таки с некоторой настороженностью. И когда лихой матрос одаривает его биноклем и портсигаром, Кужель начинает сомневаться в честном происхождении этих вещей.

«— Может, зря это, Вася?

— Чего гудишь?

— За два оглядка куплено? — подмигнул Максим и неловко улыбнулся.

— Ни боже мой... Никогда и нигде грабилочки ни на грош не сочинили... Все у мертвых отнято. Скажи, браток, зачем мертвому портсигар в семь каратов?»

Галаган уверяет, что на одном из миноносцев триста мест золота валяются на палубе без охраны и никто пальцем не трогает. «Тут, браток, особый винт упора, понимать надо». Особый винт упора заключается в том, что даже малоподготовленной и малограмотной головы Васьки Галагана коснулась своим светом великая революция. Но в голове этой еще черт знает сколько путаницы, и если, наконец, лопнула та «жизня», которая была сплошные «горьки слезы», то Васька решил: «Али и теперь не погулять?.. Первый праздник в нашей жизни...»

После очередной «свадьбы-гулянки» Галаган готов тут же отправиться на фронт «против контры» и воевать там с той беззаветной храбростью, которая прославляла моряков гражданской войны на весь мир.

Любуясь безотчетной удалью и ловкостью Галагана, Артем Веселый с отличным чутьем правды дает понять, что удержаться на высоте революционного долга Галагану помогает присутствие рядом с ним рабочего Егорова, человека с отчетливым революционным сознанием.

Образ Ивана Черноярова, другого партизанского героя, которому Артем Веселый уделит много места, глубже и трагичнее образа Галагана. Если при Ваське Галагане

был Егоров, рабочий-большевик, то при Черноярове такого друга-руководителя не оказалось. После переживаний, связанных с войной и революцией, вернулся Иван в отцовский дом, где всего вдоволь, где рядом писарева дочка Маринка, икрная девка, что смеется так, будто цветы рассыпает, а Иван не находит утешения и удивляет Маринку жалобами на скуку. Заразило Ивана беспокойство по новому, по новой жизни, по борьбе за нее.

И когда отец, зажиточный кубанский казак, который тупо убежден, что «дисциплину распустили, оттого и бунт разыграл на Руси», заметив подозрительное беспокойство сына, говорит: «Женить тебя, Ванька, надо», — Иван отвечает почти как Макар Нагульнов из «Поднятой целины»: «Не хочу, батяня. От бабы порча нашему молодечеству». Но Нагульнов уже знал, чему отдать силы. До него уже дошла идея мировой революции, которая осветила всю его последующую жизнь. А у Ивана Черноярова только смутное сознание, что старая жизнь несправедлива и порочна, что она прогнила, как старое, гнилое дерево, что предстоит борьба за нечто новое.

Отец ссылается на Библию, а Иван убежденно отвечает: «Что мне Библия? Нельзя по одной книге тысячу лет жить, полевой устав и то меняется».

Ненависть Черноярова к старому, его революционный запал, стремление к свободе и готовность воевать за нее не дополнялись сколько-нибудь ясным сознанием путей нового. Он бросился в водоворот гражданской войны со всем самоотвержением храброго и убежденного в своей правоте воина, поражал врагов отвагой и талантами, открывшимися в этом простом казаке, но сложность событий, запутанный переплет классовых и политических интересов ставили его часто в тупик. Он немало плутает в бурях революции и кончает трагически, так и не сумев понять, как сочетается удачливый революционный размах с непреклонностью революционного порядка.

Иван Чернояров отказывается от всех посулов белого генерала, предпочитая гордую смерть борца за народную правду. Но советский читатель не может пройти равнодушно и мимо эпизодов, когда партизанствующий Чернояров покрывает анархистско-бандитские преступления (убийство красного командира за отказ отдать лошадь), когда он противопоставляет себя Реввоенсовету. Романтизация образа Черноярова начинает странно звучать, когда в романе почти нет изображения тех, кто составлял ядро Красной Армии, ее идейный и боевой стержень, ее организующее начало, тех, кто сделал Красную Армию центром притяжения всех красных партизанских отрядов и кто в решающей степени обеспечил победу революции.

Армейскому Реввоенсовету не уделено в общем и десятой части внимания, которое поглощают в романе джигитские подвиги Черноярова, но, тем не менее, впечатление создается совершенно определенное: «Реввоенсовет еще заседал, слепо веря в силу своих решений, и, как ракеты, выбрасывал приказ за приказом». «А за зеркальными окнами штабных вагонов... члены совета... дни и ночи напролет зывали к сознанию друг друга, сочиняли воззвания и приказы». В общем, получается впечатление, что живым, непосредственным, боевым партизанам противопоставляется далекий Реввоенсовет, воюющий бумажными приказами.

И можно лишь пожалеть, что увлеченный стихийностью Артем Веселый не уделил достаточно внимания тем, кто олицетворял основную силу революционной армии, ее идеи и ее большевистскую волю.

Советский писатель, который хочет дать художественную историю великой революции, должен, естественно, разобраться в том, где и когда говорила стихия восставших против старого порядка масс, стихия, в которой иногда звучали голоса самые разнообразные и где стихийность начинала приходиться в противоречие с революционной сознательностью и порядком.

Три заключительные главы «России, кровью умытой» переносят нас с юга в Заволжье и представляют собой в основном повесть, которая под названием «Страна родная» была опубликована еще в 1925 году. Мещанско-купеческий городок Ключевин, село Хомутово, раскольничью Вязовку, дремлющее в сонной одуре мордовское Урайкино захлестывают волны революции. Ряд превосходно написанных эпизодов воссоздает атмосферу первых лет революционной власти с их невероятными трудностями в условиях всеобщей разрухи и гражданской войны, с первыми поисками новых форм общества, с энтузиазмом революционеров и злобной враждой потревоженного в своем благополучии кулачья.

Основное в этих заключительных главах — это деревня, ее размытые революционным половодьем дороги, вековые устои, расшатанные революционными вихрями. Деревня дана во всем богатстве этнографических красок, с блестящей отделкой деталей, с любовным вычерчиванием лиц, со сверканием многоцветного диалога. Деревенская свадьба, сватовство, гулянка со всем узором песен и прибауток, торговля с продкомиссаром из-за разверстки, разговоры по избам, обход дворов в поисках зерна, необходимого для революции, дезертиры и жестокий кулацкий бунт изображены Артемом Веселым с силой, поднимающей его на уровень лучших художников советской литературы.

Здесь тоже есть основание говорить о некотором увлечении стихийностью, но рядом с представителями стихии появляются в романе те, кто овладевает ею, кто говорит и действует от имени революции, ее воли, смысла и непреклонной цели. Председатель уездного исполкома Капустин успел пройти школу революционного подполья. В борьбе со случайными людьми, пролезшими в советский аппарат, Капустин обнаруживает себя подлинным большевиком, для которого высшим принципом являются интересы народа и революционная целесообразность.

В образе руководителя местной партийной организации Павла Гребенщикова Артему Веселому удалось показать неразрывную связь этого рабочего парня с рабочей средой. Когда заволновались изголодавшиеся рабочие железнодорожного депо, он приходит к ним и, несмотря на всю сложность положения, быстро и естественно находит контакт и добивается перелома. Недавняя разобщенность и даже враждебность переходят в привычное единство труда, которое объединяет рабочих и представителя новой рабочей власти. Этот психологически трудный эпизод сделан с большой силой реалистической убедительности.

Интересен и содержателен образ деревенского кузнеца, коммуниста Проньки, молодого боевого парня, которому совсем недавно раскрылась правда и который готов теперь крушить везде и всюду обман дореволюционной жизни.

Герои Артема Веселого являются не столько людьми мысли, сколько действия. И весь пафос «России, кровью умытой» — в стремительном рывке великой потрясенной страны, поднявшейся для борьбы за новую жизнь. Здесь нет ни теоретических размышлений, ни проникновений в психологические глубины. Это так естественно для страниц, где господствуют Васька Галаган или Иван Чернояров, где изображается разлив могучей стихии. Содержание определяет в значительной мере и форму письма — стремительный, отрывистый язык, композицию, не претендующую на строгую связь одного эпизода с другим.

Тем характернее, что с появлением в романе Капустина и Гребенщикова начинает созревать серьезная мысль о руководстве революцией, о взаимоотношениях с крестьянством, о важнейших политических проблемах, которые в эти огненные годы определяли судьбу революции. Так определяется в романе линия преодоления стихийности.

Когда «Страна родная» была закончена в первом варианте, молодому автору казалось, что он добился «большой победы»; иногда же он уныло заявлял: «Какая победа? И боя настоящего не было. Еще только маневры. Опять: сырье, мгла, хаос. Размахнулся широко, гребнул мелко».

Такого рода состояния знакомы почти каждому писателю и входят в комплекс чувств, давно известных, как «муки слова». У Артема Веселого они осложнялись резкой диспропорцией между стихийным талантом, огромной образной силой, которыми был наделен этот человек, и слабой культурой выходца из самарской рабочей слободки.

Хорошо знавшая Артема Веселого О. К. Орловская вспоминает о его встречах с А. Серафимовичем.

«Железный поток», вышедший в 1924 году, произвел на Артема Веселого большое впечатление. Роман Серафимовича был близок Веселому по материалу — движение революционной полупартизанской армии, пафос трагических обстоятельств, — и в то же время Артем Веселый увидел в нем нечто новое, самое для него, Веселого, трудное и пока недостижимое: умение художественно уловить и изобразить то главное, что превращало лавину в силу революционно целенаправленную, осознанную и побеждающую.

«— Это вещь! — восторженно говорил Веселый. — Взлет в бессмертие! Слезы выжимает, хорошие думы родит. ...Ты слышишь, Ольга, как они идут, идут... Ты видишь это человеческое море с босыми солдатами, почернелыми до костей, с малы-ми детьми, с бабами Горпинами... Буйное людское море в железных берегах. Вот этих-то берегов и не хватает мне, Ольга!»

Артем Веселый был знаком с Серафимовичем, приносил ему свою «Страну родную» и слушал «Железный поток» в чтении автора. «Железный поток», как выражался Артем Веселый, содействовал его зарядке «пролетарским духом».

Однажды, когда разговор зашел о «Стране родной», Александр Серафимович сказал:

— Капустина надо оживить, расширить образ, добавить ему живости и страстности... Надо более рельефно показать организующую волю партии, которая перетягивала мужицкую стихию на свою сторону.

Веселый слушал жадно и, все более разгораясь, выкрикивал:

— Учи, учи, старик! Тычь носом сосунка! За науку — в ноги поклонюсь!

— Ты не сосунок, ты орленок, — возразил Серафимович. — И полетишь дальше меня.

— Обязан! — загремел Артем. — Чай, мой класс восходящий, как выражаются профессора. Жилы порвать, а довести дело до революционного конца!

Артем Веселый не только внимательно и благодарно слушал Серафимовича. Слова одного из зачинателей советской литературы, как вспышка молнии, вдруг освещали перед ним самые сложные и запутанные проблемы его писательской судьбы. «Мой Капустин, — говорил он своему старому другу, — против твоего Кожуха — кисель, войлок, чахлая кобыла. А вот Васьки Граммофоны и Фильки Великановы прут из меня, как родные, живые детища! Надзору за ними нет. И ни одно ярмо к ним не подходит».

— Это потому, — сказал Серафимович, — что ты сам-то еще по-настоящему в порядок не включился...

Под «порядком» Серафимович мог разуместь в данном случае только продуманное, отчетливое мировоззрение. Артем Веселый это понимал и принимал. Но для того, чтобы справиться с «безнадзорными» Ваньками Граммофонами и наполнить живой кровью Капустина, ему нужно было положить еще немало трудов.

В 1930 году Алексей Максимович Горький жаловался: «Над словом у нас работают мало, язык плохой, писателя от писателя трудно отличить, нет характерного языка, нет того, чем, например, Лескова легко отличить от Глеба Успенского, или Гаршина от Бунина. Этого нет. А это должно быть. В неисчерпаемой сокровищнице русского языка, народного русского языка, для всякого писателя вполне достаточно таких слов, в которых он найдет яркое, сильное, четкое оформление для своего материала».

Артема Веселого легко отличить и по характерному языку и по своеобразию всего стиля — напряженно-эмоционального, ярко-красочного и звучного. Удивительная броскость языка, многоцветная яркость. У Веселого есть десятки страниц, где почти каждое слово образно и каждая строка звучит как поговорка, где в каждом абзаце ощущается опыт масс, мудрость поколений, сконденсированные в хлесткую поговорку.

Какая же это образность? Каково ее происхождение?

Артем Веселый превосходно знал язык, которым говорит масса революционного народа, особенно крестьянского, солдатского. Его образность опирается в наибольшей степени на крестьянский и крестьянско-солдатский опыт.

«Дым костров стлался по лугу, будто овчина».

«Часовой зашипел, как гусь перед собаками».

«Отряды рвали буржуев, как собачьи своры зайцев».

«Ветер спускал с осени рыжую шкуру».

«Широкий, как бычий язык, нож».

«С лапоть лапа».

«Зыбкие глаза, как сети».

«Рука, как фунтовый карась».

«В хомутах плеч мотались косматые папахи».

Так пишет Артем Веселый не только тогда, когда говорит о деревне. Образ отнюдь не носит у него локального характера. Рисуя интеллигентку-коммунистку Гильду, он говорит: «Распахнула книгу и потемневшими глазами начала рубить строчку, как молодая лошадь хрупкий овес».

Веселый знает деревню, ее людей, ее лексику, ее природу, он читает, как книгу, перешептывания лесов и легко разбирается в переливах голосов зимней вьюги. Как и народный язык, язык Артема Веселого часто афористичен, поговорочен, а иногда переходит чуть ли не в стихи.

Кругом
серым серо! Ходи, Расея!
Заорали, засвистали:
— Рви погоны!
— Ложи оружие!
— Галуны и погоны до-ло-ой под вагоны!

В духе народной речи — и фонетическая игра словом, которую очень любит Артем Веселый. Иногда он добивается удивительного усиления звуком смысловой силы фразы. «Дыра в робе всю робу угробит». Или вот замечательный образец:

Гайдамаки в штыки.
Буржуй? Душа с тебя вон!
Петлюру в петлю.
На Оренбург бурей.
По Закавказью грозой.
Волгой волком.
Урал на ура.
Ураган на рога.
Дворцы на ветер.

Здесь каждая строка превращается одновременно в боевой лозунг и в поговорку.

Иногда Артем Веселый естественно и непосредственно переходит на стиль сказа: «Мутнехонька-быстрехонька бежит-гремит Кубань-река, а впристяжку с ней ухлестывают люты речки горные, стелются протоки малые. Шумные станицы да сытые хутора — всеми тополями своими, ветряками, садами, столетними дубами и сонными волами — смотрелись в быстрые воды Кубани». Это не стилизация, это стиль исконного народного говора, органически присущего Артему Веселому и легко входящего в общую ткань его письма, в котором переплетаются нити разных влияний.

Или вот еще отрывок, полный лирической взволнованности, отрывок, в свое время привлечший внимание критиков: «Пути-дороженьки расейские, ни конца вам нет, ни краю... Ходить, не исходить, радоваться, не нарадоваться. Заворожили вы сердце мое бродяжье, юное, как огонь. Приплясывая, бежит сердце в дали радошные, омывают его воды русских рек и морей, ветры сердцу песни поют. Любы мне и светлые кольца веселых озер, и развалы ленивых степей, и задумчивая прохлада темных лесов, и поля, пылающие ржаными пожарами. Любы зимы, перекрытые лютыми морозами, любви и весны, разматывающие яростные шелка. И когда-нибудь у придорожного костра, слушая цветную русскую песню, легко встречу свой последний смертный час».

Этот отрывок справедливо приводился как свидетельство гоголевского влияния (литературовед В. Красильников, например). В действительности, дело не только в тематическом сходстве, напоминающем известное место из «Мертвых душ» («Какое странное и манящее, и несущее, и чудесное слово «дорога»»). Романтическая приподнятость в сочетании с лирическим волнением, пафос героики в соединении со строгостью реализма обращают нашу мысль к Гоголю.

При тщательном исследовании мы обнаружим у Артема Веселого следы влияния и других классиков русской литературы — Горького в первую очередь, некоторых старших писателей-современников, даже символистов и футуристов (Хлебников).

Но Артем Веселый настолько близок к живой действительности, настолько непосредственно вдохновляется событиями самой жизни, переживаниями народа, что о литературных влияниях на его творчество можно говорить только в какую-то третью очередь.

Можно бы сказать, что любовь Веселого, скажем, к гиперболам («Ржали матросы — штукатурка с потолка сыпалась, советские обои вяли, стружкой по стенам

завивались», «на дню выталкиваем по тыще резолюций») тоже напоминает Гоголя. Но еще более справедливо вспомнить, что это в духе все той же народной, крестьянской речи, которая родственна Артему Веселому.

Своеобразие языка Артема Веселого в том еще, что образная речь его окрашена переживаниями лет войны и революции. Отсюда — «вьюга несла со степи снежные знамена», «солнце мечет блестящие копья», «сосульки блестяли под солнцем, как штыки». А как значительна фраза: «Кто был чин, тот стал ничем», — эта солдатская трансформация революционного лозунга!

При том увлечении и любви, с которыми Артем Веселый погружался в океан живой богатейшей русской речи, потрясенной революцией, бывало, что он выхватывал оттуда не только жемчужины, но и «словесную пыль», как говорил Горький. Любовь к слову иногда переходила у Артема Веселого в любование им, в игру, которая приобретала, казалось, самодовлеющее значение — «шелуха пороха», «торопится тропа».

По-своему отразилось в языке Артема Веселого и увлечение стихийностью, партизанщина тематическая и идейная. Ванька Граммофон и Мишка Крокодил изъяснялись на особом языке, в котором было много от портового жаргона, немало от блатного словаря и междометий: «Го-го-го-го-о-о-о... Сучья ноздря... Даешь море...»

У Мишки с Ванькой своя философия языка. Но похоже на то, что в ранний период своей работы сам Артем Веселый относился с предубеждением к «штатскому» языку. Вот, например, как описывается начальник белой охраны Черныш в рассказе «Дикое сердце»: «В тюрьме сам деловых тряс: кончика искал. На допрос — на ногах, с допроса — на карачках: «Как да что, да как твои мнения? Здорово живешь, сукин сын... Цоп, бяк, брык, ах, ах...»

Там, где мысль, отчетливое сознание отодвигаются на задний план разливом чувств и бурного, бесконтрольного действия, там подчас блекнет и смысловое значение слова. О партизане из «зеленых» Гришке Тяпте Артем Веселый говорит, что он «слова накалывал редко и нехотя — разговаривали за Гришку руки, ноги, чмок, фык, сап, марг, плевки». А сама эта речь приобретала такой характер: « — Бра зна?.. Ууу, ццц... Черно... Пух-пух. Та-та-та-та-та-та... Ммм... Карамара... Ку-гу? В станицу? Ку-ку? Пакеты везу... Як зарикотили, зарикотили... Эээ, чертяки. Кыш. Фу. Шо тамочко було... Ыыы, ццц, ху, ху, ху... Хиба ж ты не зна Хведьку Горобця?»

Это уже на грани зауми. У Артема Веселого первого периода было немало подобных словечек: «Берзай-вылезай!», «Языком ледве-ледве», — междометий, затягивающихся на целые строчки: гу-у-у-у-у-у... зу-зу-зу-у-у-у... и т. д. Нельзя это объяснять просто звукоподражанием. В зауми крайних футуристов был свой принцип: отсутствие принципиальности. Поэтому они упрекали еще дореволюционного Маяковского за содержательность, идейность его творчества. У Артема Веселого заумь другого происхождения: это прямой результат увлечения стихийностью. Но несомненно, что тут есть и некоторое литературное влияние футуристов-лефовцев. Не случайно Веселый одно время печатался в журнале Лефа и старательно изучал Хлебникова. Футурист Крученых оценил в Артеме Веселом прежде всего... заумь на том, дескать, основании, что «мысль и речь не успевают за переживанием вдохновенного».

Но не советы Хлебникова и Крученых определяли, разумеется, основное направление творчества Артема Веселого. С накоплением жизненного, идейного и литературного опыта он все строже стал относиться ко всем компонентам произведения: замыслу, идее, к формам, в которых эти идеи и замыслы должны быть воплощены.

Есть у Артема Веселого краткие произведения, в одну—три странички, которые он одно время называл «домыслами». Некоторые из этих «домыслов» являются убедительными свидетельствами того, какой высоты в искусстве поэтического слова достигал этот поэт революционных вьюг. Предельная густота образности, крайняя напряженность лирического чувства. Каждая строка является метафорой или афоризмом. Таковы «Тюрьма», «Жена и женух» (об опошленной любви), «Сад», «Книга». Эти «домыслы», которые прежде называли бы стихотворениями в прозе, служили Артему Веселому литературными упражнениями, эскизами или этюдами к большому полотнам, для ювелирной работы над словом, которую он так любил. С другой стороны, они были как бы записями в дневнике, формой, в которую отливались размышления, чувства, переполнявшие Артема Веселого, и которым он, как истинный поэт, мог дать только один выход: в слове. Таков, например, этюд «В кле-

цах беды» — о гибели пятилетнего мальчика. На полутора страничках с огромной эмоциональной силой дана неизбывная мука отца, потерявшего любимого сына.

В других «домыслах» можно видеть следы той большой работы мысли, которую проделывал сын волжского крючника, получивший в дореволюционной России лишь четырехклассное образование.

III

Работа писателя над своим произведением представляет для нас, естественно, большой интерес, потому что не только открывает его творческую лабораторию, но и наглядно показывает тенденцию его развития. В отношении Артема Веселого этот интерес тем более законен и широк, что речь идет не только о правке писателем рукописи до ее появления в печати. Одно и то же произведение печаталось Веселым много раз и изменялось на глазах сотен тысяч читателей.

Возьмем для примера эпизод, в котором матрос Васька Галаган пирует со своей компанией в Новороссийске. В рассказе «Горькая кровь», изданном в 1926 году, эпизод этот, в общем, продолжает изображение беспредельного разгула партизанской стихии. Правда, разгул кончается организацией и уходом партизанского отряда, но куда идет отряд — если на фронт, то против кого и во имя чего воевать, — неизвестно. В издании 1931 года (в рассказе под названием «Большой праздник») эпизод претерпевает уже значительные изменения. Вместе с Васькой Галаганом появляется деповский слесарь Егорыч, который вносит в эпизод новые интонации. Егорыч рассказывает, что рабочие депо, «пятеро суток не жрамши», сломив сопротивление администрации, поставили на колеса два бронепоезда. Одно упоминание о таком факте уже вводит в описание революционного Новороссийска пролетариат, о котором раньше почти ничего не было известно. Мало того, Егорыч выступает с речью. «Погуляли, морячки, пора за дельце, — так закончил свою краткую речь Егорыч. — Пятьдесят стукнуло, а с вами в огонь и в воду пойду. Буду кашу варить, лошадей ваших ковать».

И самый митинг, о котором из первого варианта можно было узнать только то, что это был пьяный митинг («со слезами»), буйный и крикливый («Гра, Бра, Дра...»), теперь приобретает другой характер. «Васька ровно из огня хватал с мясом, с кровью, с шерстью. О фронте он говорил грозно, о революции — с большой торжественностью, о буржуях — с неукротимой злобой». Преображается несколько и сам Васька, который на стол уже не «влез ревом», а просто «вспрыгнул». Потом оказывается, что были еще ораторы и, в частности, Максим Кужель, который «с пятого на десятое рассказал про свою станицу, путаясь в словах, как лошадь в коротких оглоблях».

Так вместо сумбурных слов и криков пирующей компании мы наблюдаем революционный митинг тех лет с участием матросов, рабочих и представителей села. Теперь уже точно известно, что отряд Васьки отправляется на фронт, отправляется «в полном порядке». И еще характерный штришок: «Прослыша про выступающий на позицию отряд, прибежали проститься рабочие, матросские девки и просто жители».

Тем не менее уже в следующем году этот отрывок появляется в «России, кровью умытой» опять в новом виде. Слесарь Егорыч становится просто Егоровым и приобретает еще более важные функции.

«— Хорошие вы ребята, — говорит он матросам Васьки Галагана, — а пьяночка вас зашибает... В море не тонете и в огне не горите, а тут есть риск и утонуть и погореть, не мимо говорит пословица: «Нет молодца, кой не поборет винца».

— Ты, отец, нам обедню не порть... Первый праздник в нашей жизни...

— Не рано ли нам праздновать?.. Помни, ребятишки, враг не спит, враг наступает... Выпить? Почему не так, выпить можно, только этого... не пора ли и за дельце браться?»

Егоров изменился чрезвычайно. Раньше он был «свой парень», который пьет вместе с матросами, рабочий из революционно настроенного депо, добродушный дядя, сознающий свою какую-то второкачественность в сравнении с боевыми матросами, но готовый идти вместе с ними. Теперь это уже совсем другой человек. Он выступает как сознательный представитель того класса, который был и есть хребет революции,

ее стержень, класса, который знает свой путь и, маневрируя в водовороте разыгравшихся в революции сил, неизменно и твердо идет к своей основной цели.

Инициатива организации партизанского отряда теперь переходит от Васьки Галагана к слесарю Егорову. Крестьянско-матросская партизанщина еще шумит, гудит, разливаясь за берега; там, за пределами городского сада, еще продолжается как будто торжество стихии, поднимается из озорства над одним кораблем деревенский лапот вместо флага, продолжают пьяный шум и угар. Но старый слесарь Егоров уже начал поворачивать этот поток в нужное русло.

Таких преображенных эпизодов, больших и малых изменений в творчестве Артема Веселого много. Тенденция и значение их совершенно очевидны. Писатель усиливает революционно-идейное звучание произведения, тщательнее вырисовывает роль рабочих, четче определяет классовую дифференциацию.

В главе о Клюквин-городке Артем Веселый пишет: «Революция требовала от слободки людей с трезвой мыслью и твердой рукой». В этом суть. И поэтому большевик Капустин напутствует деревенских ходоков, комбедчиков, председателей сельсоветов: «Подкручивайте кулакам хвосты!.. Без кулака и буржую городскому не воскреснуть... Себя блюдите пуще глазу — чтоб ни пьянцовки, ни разбою не было... Помни: у нас престолярная революция... Держи уши вилкой и стой на страже!»

В романе появляется полная глубокого значения и драматизма беседа Капустина с редактором Гребенщиковым о том, как следует молодой революционной власти подходить к крестьянству, о совершенных ошибках, о сложности положения. Так отчетливее выявляется линия преодоления стихийности.

Вместе с углублением идейного содержания Артем Веселый очищает язык, отказываясь от орнаментальных выкрутасов, от игры на местных диалектах, блатных словечках, последовательнее и стройнее развивает сюжет, вводит в значительно большей степени описательный материал, который дает лучшее представление об исторической обстановке тех лет и конкретной среде. Исчезает столь любезная сердцу футуриста Крученых заумь. Из бесформенного множества начинают отчетливее выделяться люди с их индивидуальным обликом. Появляется уточненный, углубленный, лучше продуманный и прочувствованный образ.

Артем Веселый работал много, целеустремленно, работал с упоением, относясь к себе строжайшим образом и ставя перед собой все более серьезные задачи. В послесловии к книге «Пирующая весна» он писал в 1929 году: «Не гневайся, читатель, если что не нравится. Меня и самого корбит от недоработанности и блеклости многих страниц». Писатель указывал, в частности, на свою неудовлетворенность рассказами «Дикое сердце» и «Зеленый куст». Последнее издание «России, кровью умытой» вышло, как мы уже говорили, в 1936 году с указанием: «фрагмент». Он имел в виду еще работать и работать над этим романом.

Только недавно была найдена часть архива Артема Веселого¹. Среди бумаг оказался план «России, кровью умытой», составленный в 1933 году. Этот план чрезвычайно интересен: он говорит о направлении всей работы Артема Веселого, о характере его поисков и усилий, о том, каким он сам хотел видеть свое произведение, которому отдал лучшие годы и замыслы.

Роман должен был начаться изображением России на переломе 1916—1917 годов. «Провинция, деревня, фронт, большие города. Экономика, политика, быт. Разгорающееся забастовочное движение в промышленных центрах. Февральская революция в Петрограде». Глава вторая: «Москва рабочая, Москва большевистская, Москва первых месяцев 1918-го. Уличные митинги. Заводы. Буржуазия. Политические партии. Большая семья рабочего Игната Гребенщикова».

Уже эти две первые главы дают представление о том, какой характер приобрел бы роман, если бы Артему Веселому удалось осуществить свой план. В напечатанных вариантах романа преобладают южные области и заволжская деревня. План предусматривает ввести в роман крупнейшие пролетарские центры страны — Петроград и Москву. И не только в первых двух главах, но и во многих последующих. Так, под главой двадцатой автор записывает: «Юденич, защита Петрограда. Северный фронт. Петроград. Москва, Иваново-Вознесенск и другие промышленные районы — организа-

¹ Находится у дочери писателя З. Веселой.

торы победы на фронтах гражданской войны». Во второй же главе имелось в виду: «Состояние московской партийной организации и развертывание организационно-пропагандистской работы в низах. Ленин. Первые декреты».

Таким образом, организующее начало революции, ее пролетарское ядро, представители ее воли и социалистической мысли заняли бы в романе исторически принадлежащее им место. Партизанская стихия, так выпиравшая в напечатанных главах, осталась бы в ее реально-исторических берегах.

Интересно отметить, что одновременно с углублением идейно-исторического содержания «России» Артем Веселый ставил себе отчетливые задачи и в области художественной формы. Одно влекло за собой другое. И влекло в совершенно определенную сторону: в сторону очищения языка, отказа от самоцельной игры словом, от всяких выкрутасов, навеянных остатками футуристских влияний, различных литературных школ и школок, в изобилии возникавших в первые годы революции.

Интересна запись, в которой Артем Веселый ставит себе задачу: «Побольше конкретности... Побольше имен и характеристик низовых большевиков...» Чем решительнее стремится Веселый показать организующие идейные силы революции, тем яснее становится, что прием описания вообще массы, прием, который он широко и с блеском использовал, уже недостаточен. Необходим конкретный человек, образ, который в жизненно рельефных чертах индивидуальной личности выражал бы типичное.

Сейчас мы узнаем о коммунисте Павле Гребенщикове, партийном работнике, только на 417-й странице романа (издание 1936 года). А в плане романа Артем Веселый намечает вывести московскую рабочую семью Гребенщиковых уже во второй главе; представители этой пролетарской семьи должны были пройти через весь роман и стать одним из его стержней. Перемещались идейно-художественные центры, переформировывалась композиция. То, что мы имеем сейчас в виде разрозненных глав, не всегда связанных между собой действием и героями, в окончательном варианте должно было быть увязано, пустоты заполнены новыми главами.

Артем Веселый сохраняет в плане одну композиционную новинку, весьма характерную для всего его стиля. Чтобы разнообразить строгую последовательность изложения, он вводит в роман «этюды», интермедии между главами, вольные уходы в сторону, ритмические и смысловые, где он может дать свободно разгуляться своему воображению.

План «России, кровью умытой» говорит о том, что Артем Веселый работал над монументальным произведением, в котором хронологически последовательно от 1917 года до боев на Перекопе в 1920-м должны были быть изображены события величайшей в истории революции и гражданской войны. Он успел осуществить только часть замысла. Но и в таком виде его роман является одним из наиболее талантливых изображений исторических решающих лет революции; атмосфера этих лет, колорит великой эпохи, неповторимые черты времени запечатлены в нем кистью большого художника.

В этом небольшом нашем очерке можно только кратко сказать о другом значительном произведении Артема Веселого — романе «Гуляй-Волга». Книга о XVI веке, о завоевании дружиной Ермака Сибири стоит несколько особняком в творчестве Артема Веселого, но не случайно, обратившись к историческому роману, он избрал именно этот эпизод. «Гуляй-Волга» перекликается со «Страной родной», с многими страницами «России, кровью умытой». Артема Веселого, талантливого изобразителя революционной стихии, привлекла возможность заглянуть в те исторические глубины, где шумела бурлацко-казачья вольница, приведшая впоследствии к огромным крестьянским восстаниям Степана Разина и Пугачева.

Так же как и в лучших произведениях советского исторического романа («Гуляй-Волга» появилась в 1932 году, первый том «Петра I» Алексея Толстого — в 1930 году), в «Гуляй-Волге» исторические события изображаются как большие общественные движения, как борьба социальных сил. И здесь Артем Веселый охотно и со вкусом описывает удалой разгул, быт и отвагу полупартизанского казачества, романтических рыцарей южных русских степей, проплывших на стругах и проскакавших на конях от Дона до берегов Тихого океана. Характерен уже эпитаф к роману: «Отвага мед пьет и кандалы трет». Но тут же немало картин большого историко-социального значения, картин, дающих наглядное представление о том,

какой эксплуататорский характер приобрело казацкое господство в Сибири и как казачья вольница становится орудием царя, купцов и тех же ненавистных бояр.

И, конечно, углубление в древнюю эпоху дало возможность Артему Веселому, его чуткостью к слову, еще более разнообразить гамму своих чудесных словесных красок. Используя живописные старинные слова и обороты с большим чувством меры, он создает иногда страницы такого волшебства (особенно диалоги), что, даже перечитывая их десять и двадцать раз, не перестаешь восхищаться ими.

И над «Гуляй-Волгой» писатель предполагал еще работать. Некоторые главы развернуть, другие переписать, добавить новые. «Может быть, когда-нибудь падет на меня радостных дней орлиная стая,— писал он,— с новой силой загремит и заблещет перо мое: тогда-то на роман и будут положены последние краски и жары...»

Радостное ощущение жизни, ее красок и запахов, языческая радость тела, быстроты движений, беззаветной удали, бодрое, глубоко материалистическое восприятие жизни составляют основной эмоциональный тон произведений Артема Веселого. Даже в природе он не любит тишины и покоя. В пейзажах отбирает преимущественно бури, вьюги, ветровые смерчи. О них он говорит с нежностью: «На сугробах играл зачесами гребней переметчивый ветруга». Даже годы «бежали, будто стада диких кабанов». И вся история часто представляется Артему Веселому как постоянное столкновение грозных сил, как непрерывная битва: «Гремел и сверкал поток времени». «Мир плутал в кромешном разливе метелей и мятежей».

Артем Веселый, воспринимающий мир резко, красочно, бурно, мечтал и о литературе необычайных красок и страстей. Его угнетало «удручающее однообразие печатных пустынь». Он мечтал о новой советской литературе, о такой, когда «строки заплещутся по странице, словно праздничные флаги над кораблем». Он мечтал о такой литературе, когда «слово бездарное, слово лживое, слово глупое будет скатываться с печатного листа, как скатывается ртуть с полированной поверхности».

В юности он хотел внести революционные изменения даже в полиграфию, в технику книгопечатания, в синтаксис. Ему казалось кощунственным, что «мудрые и глупые слова идут по тропе одной строки», он протестовал против того, что «полчища букв похожи одна на другую, как дождевые капли».

Однако вскоре он убедился, что дело не в знаках, их недостатке или избытке. Тридцати трех букв русского алфавита достаточно, чтоб вместить в них безмерное содержание, все многообразие мира, все бури природы и человеческих сердец. Надо прежде всего отточить свою мысль, уловить оттенки чувства и найти для них точное, емкое слово, тот русский самоцвет, который способен заблестеть чудесным огнем, если вовремя повернуть его нужной гранью.

Литература была для Артема Веселого не просто профессией, даже не только любимым делом, а служением и подвигом, мечтой и неодолимой внутренней потребностью. «Беззаветность и фанатизм в искусстве,— писал он,— так же оправданы, как и в любви».

Мечтам и замыслам Артема Веселого не дано было осуществиться: его жизнь, полная творческого горения и труда, оборвалась рано.

В историю советской литературы Артем Веселый войдет как писатель яркого и своеобразного дарования, как талантливый художник октябрьской революционной бури, свободолюбия и отваги русского народа.
